

05
3-43

64921

ЗВЕЗДА

18/11

1

О Г И З

ГОСЛИТИЗДАТ • ЛЕНИНГРАД • 1913

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ

Иноземцы непосредственно наблюдавшие русскую жизнь в XV—XVII вв., единодушно характеризуют боевые качества русских ратников.

Король Стефан Баторий, ведший обширные военные действия против русских городов в 1579—1582 гг., рассказывал Антонию Поссевину, что в Ливонских городах, взятых им у русских, находили московских ратников, которые, едва дыша от утомления и голода, продолжали обороняться. «Русские, — говорит Баторий, — при защите городов не думают о жизни, хладнокровно становятся на места убитых или взорванных действием подкопа и заграждают пролом грудью, день и ночь сражаясь; едят один хлеб, умирают с голода, но не сдаются...» Стефан Баторий был организатором сильной, закаленной в боях пехоты, успешно выведенной им на поля Европы. Отзыв его о русских ратниках поэтому особенно значителен.

В 1578 г. горсть русских, осаждавших Венден, после поражения действовавшей на их стороне татарской конницы, отступила в свой лагерь и отстреливалась там до утра. Воеводы, которым вверен был наряд, не захотели покинуть его и были захвачены на другое утро неприятелем; простые же пушкарки не сдались в плен: видя, что неприятель уже в стане, они предпочли повеситься на своих орудиях, вызвав своим упорством изумление врагов.

Иностранцы удивлялись искусству русских в рукопашных схватках. Гваньини советует осторожно схватываться с ними в сражении, чтобы не попасть к ним в руки, из которых, благодаря необыкновенно крепким мускулам их, трудно вырваться. Московитянин, — указывает Гваньини, — один без оружия смело выходит на дикого медведя и, схватив его за уши, таскает до тех пор, пока тот в изнеможении не повалится на землю. Другой из иноземцев, писавших о России, Михалон, говорит, что московитяне превосходят литовцев деятельностью и храбростью.

Иноземцы писали об этих качествах русского воина не только понаслышке. На западных границах русского государства, сражаясь против русских или в союзе с ними, иноземцы хорошо могли наблюдать мужество, упорство и воинскую доблесть русских.

Особенно убедительно боевые качества русских ратников сказались в знаменитой Грюнвальдской битве 1410 г., положившей конец немецким завоеваниям в Прибалтике и разбившей мощь Тевтонского ордена. В этой битве, всемирно-историческое значение которой общеизвестно, польско-литовско-русское войско выступило против всеевропейской армии, организованной Орденом из войск 22 европейских наци-

ональностей, «прибывших из всех частей света на помощь крестоносцам».

Это сражение было выиграно польско-литовско-русским войском под начальством Витовта исключительно благодаря упорству русских ратников, набранных в Полоцке, Смоленске, Новгороде, Брянске, Стародубе, Киеве, Владимире Волынском и других русских городах.

В начале битвы литовцы не выдержали натиска рыцарей и обратились в бегство. Рыцари с пением победного гимна преследовали литовцев. В общее отступление вовлеклись и поляки, королевское знамя которых пало на землю. Битва казалась проигранной. Однако необычайная стойкость смоленских полков повернула исход битвы в пользу литовско-польско-русского войска. «В этом сражении, — пишет польский хронист Длугош, — лишь одни русские витязи из Смоленской земли, построенные тремя отдельными полками, стойко бились и не приняли участия в бегстве. Тем заслужили они великую славу. И если один из полков был жестоко изрублен и даже склонилось до земли его знамя, то два других полка, отважно сражаясь, одерживали верх над всеми мужами и рыцарями, с какими сходились врукопашную, пока не соединились с отрядами поляков. Из всего войска Витовта только они одни стяжали себе в этот день славу отважных героев».

Таковы были боевые качества русского воина по отзывам незаинтересованных в восхвалении русских иностранцев. Не менее изумительным было и военное искусство древней Руси.

I. ХАРАКТЕР ВОЙН

Барон Сигизмунд Герберштейн, внимательно наблюдавший Русь при отце Ивана Грозного, Василии III, и изучивший русские летописи, вынес впечатление, что для русского государства мир — случайность, а война — постоянное явление. Действительно, в течение более чем полутысячелетия русскому народу приходилось вести постоянную борьбу с покушавшимися на его независимость соседями.

На колоссально протяженном юго-восточном фронте война не прекращалась ни на один год. Оборона степных границ от опустошительных нашествий кочевников была главной заботой русского государства с первых же лет его существования.

На северо-западе борьба прерывалась кратковременными перемириями, но враг здесь был не менее опасен, чем на юго-востоке.

В этой постоянной борьбе на юго-восточных, южных и западных границах крепло русское государство, ковалось чувство национального единства русского народа.

Постоянные войны, которые приходилось вести русскому государству на северо-западных и юго-восточных границах, были чрезвычайно разрушительны. С русской стороны военные действия имели целью защитить русские рубежи, безопасность населения; поэтому борьба шла за каждое населенное место, за каждую пядь земли, за жизнь и свободу каждого русского человека.

Степные кочевники выработали хорошую тактику степных набегов. В походе они не разводили ночью огней, крались лощинами и оврагами, рассылали во все стороны ловких разведчиков. Вооруженные саблями и ножами, на малорослых выносливых лошадях, без обоза, питаясь в пути сырой кобылятиной, кочевники налетали на Русь внезапно, во время полевых работ.

Время от времени татаро-монголы предпринимали на Русь походы, в которых почти поголовно уничтожалось и уводилось в плен население городов и деревень.

Не менее жестокая борьба шла на западных границах Руси. Здесь немцы и шведы действовали против русского государства не только хорошо организованными военными кампаниями, первоклассным войском, но и систематическим экономическим давлением. Враги русского государства стремились не допустить в него знающих военных специалистов, ратных и «руководельных» людей, мастеров, запрещали ввоз военных снарядов, коней, железа, доспехов, серы, меди, олова, свинца. В Москве и в Новгороде понимали это и стремились всяческими путями добыть себе с Запада все необходимое для войны, — припасы и знающих людей. Едва ли не лучше всех понимал это Иван Грозный. Отсюда господствующее стремление его внешней политики — пробиться к морю, к путям, ведущим на Запад, завоевать Ливонию. Во время переговоров с английской королевой Елизаветой Иван Грозный просит ее отпустить к нему мастеровых, умеющих строить корабли и управлять ими, ратных людей, рудознатцев. Он просит разрешить привозить артиллерию, доспехи и всякого рода военное сырье. Английским купцам, едущим в обход западной блокады через Архангельск, предоставляются широкие привилегии.

Строя грандиозные оборонительные линии на своих границах, русские сообразовались с политикой своих соседей и на востоке и на западе.

На западной границе русские строили сильно укрепленные города с каменными стенами, нередко чрезвычайно мощными, способными противостоять длительной правильной осаде (Изборск, Псков, Смоленск, Порхов и др.). Русские стремились сделать их удобными для торговли, поддерживали их населенность.

На юге и юго-востоке, где приходилось вести борьбу с подвижной степной конницей, характер обороны был иной. Возводилось много городов малых размеров, устраивались многочисленные сторожевые вышки, с которых караульные сигнализировали кострами о вторжении быстрой конницы степняков. Тревожные огни и дым костров быстро доносили до Москвы весть о движении кочевников.

И на западе и на юго-востоке Руси приходилось заботиться не только об укреплении гра-

ницы, но и о том, чтобы поселить на ней достаточное количество боеспособных — «лучших», «боевых» людей.

Уже Олег ставил города вокруг Киева в оборонительных целях. Первою заботою Владимира I было укрепление границ Руси. Крестившись, рассказывает летопись, он сказал: «Худо, что мало городов около Киева», и стал строить города на юге в расстоянии одного дня пути от Киева, заселяя их «мужами лучшими» со всей Руси. С течением времени эти укрепленные города соединялись между собой земляными валами, со стеною-частоколом и лесными засеками. Так создавались оборонительные линии из городов, земляных окопов, деревянных стен, засек и сторожевых застав. Линии эти тянулись иногда на сотни верст и составляли, по выражению иностранных путешественников, как бы «кожерелье русского государства». Особенного успеха достигло это оборонительное строительство в конце XV и в XVI вв.

Южная граница охранялась от крымцев главным образом на Оке городами Перемышлем, Калугою, Тарусою, Алексиним, Каширою. Тула была передовым пунктом великой исторической оборонительной линии под Москвой, не раз останавливавшей нашествия врагов. Через Тулу проходил с юга на Москву знаменитый муравский шлях, по которому обычно весной и летом двигались на Русь войска набегников.

Постепенно города строились все дальше и дальше в степи. Вместе с городами медленно под их защиту углублялось в степь мирное русское население на свои старинные, насиженные еще до нашествия татар места. Здесь оно распахивало степную целину, строилось, обзаводилось хозяйством, подчиняло своему культурному влиянию постепенно оседавших вокруг кочевников. Этими оборонительными линиями русское государство кусками отвоевывало землю у «дикого поля» (степи), как отвоевывают у моря плотинами участки плодородной земли. Уже при сыне Грозного — Федоре Иоанновиче — оборонительная линия на юге проходила через вновь отстроенные в два-три года города: Елец, Кромы, Ливен, Воронеж, Оскол, Курск, Белгород.

Соответственно этой общей народно-оборонительной политике русского государства строилась и оборонительная тактика русского войска. В XVI веке каждую весну, лишь только просыхали дороги и степная граница становилась легко доступной для конных набегов, — значительные силы собирались на «береговую службу» к реке Ока. Городовые дворяне и дети боярские выступали в поход «конны, людны и оружны», и все войско вытягивалось вдоль линии Оки. В случае тревожных вестей полки ставились: «большой» (центральный) — у Серпухова, «правая рука» — у Калуги, «левая рука» — у Каширы, передовой полк — у Коломны и сторожевой — у Алексина. Если тревожные вести не повторялись, эти полки стояли здесь до глубокой осени, «пока, — по выражению В. О. Ключевского, — распутица не являлась им на смену посторожить Московское государство от внешних врагов». В случае же прямой угрозы нападения эти полки в известном порядке трогались с Оки и вытягивались к степной границе, чтобы возможно дальше от коренной русской земли охранить мирный труд ее населения.

Это была глубоко продуманная система народной обороны, задачей которой было разбить врага, не допустить его на родную землю.

II. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

Военное искусство древней Руси XV—XVI вв. было тесно связано с общей политикой и дипломатией русского государства. Военные действия в древней Руси почти всегда были связаны с широкими задачами защиты национальных интересов русского народа. Неизменно, в течение XIV, XV и XVI вв., ведя войны за воссоединение русских земель, московское правительство опиралось в своих походах на демократические низы городского и сельского населения.

Почти все московские войны сопровождалась обширной пропагандой идеи единого русского государства, национального единства Руси. Усиленной агитацией и обилием посланий были обставлены новгородские походы Ивана III, целью которых было воссоединение Новгорода с русским государством.

В обозе своих войск Иван III вез летописи и книжники, умевших «говорить по летописцам русским» (например, новгородца Стефана Бородатого). Иван III вел сложную идеологическую борьбу с представителями правящей боярской партии и опирался на сочувствие демократических слоев Новгорода. Второму походу Ивана III на Новгород предшествовал опрос мнений представителей различных кругов населения русского государства. Иван III придавал своему походу чрезвычайную пышность и общеземский характер. Наступая на Новгород, Иван III явно не спешил, принимал по дороге перебежчиков и затягивал переговоры, очевидно выжидая, чтобы интересы объединения с Москвой взяли верх в Новгороде. К этому у него были веские основания: так называемая «литовская» партия (представители боярства, тянувшего к Литве), составлявшая крайнее меньшинство, орудовала в Новгороде путем подкупов и террора, которые переставали быть действенными при одном приближении громадного войска московского великого князя. Чем ближе подступала к Новгороду московская рать, тем больше перебегало к ней новгородцев, обещавших служить великому князю верою и правдою. Наконец, в самом Новгороде находились люди, которые заклепывали пушки в Детинце (например ремесленник Упадыш), отказывались сражаться против москвичей и открыто кричала на вече за московского великого князя.

Новгород, как созревшее яблоко, сам готов был упасть в руки Ивана III. Так оно и случилось. Во время второго похода Ивана III Новгород был взят без сражения, представители «литовской» партии схвачены и казнены или выселены в глубь московских областей.

При походах в земли соседних народов русские военачальники учитывали интересы и настроение населения, на территории которого разворачивались военные действия. Так было при завоевании Казанского царства и особенно во время Ливонской войны, которую долгие годы пришлось вести Ивану Грозному за выход к Балтийскому морю.

Москва сумела склонить на свою сторону городские низы и купечество ливонских городов, прогоняя немецких феодальных владетелей и богачей, раздавая городам различные привилегии, сохраняя местные обычаи и законы, облегчая налоги.

При взятии Нарвы в 1588 г. Иван Грозный пожаловал воевод и детей боярских, дал жалованную грамоту ее жителям, велел отыскать по русским городам и возвратит всех прежде взятых пленников родом из Нарвы.

При вступлении русских в Дерпт (Юрьев; теперь Тарту) командующий русским войском П. И. Шуйский объявил, чтобы ратники под страхом жестокого наказания не смели обижать местных жителей. По свидетельству современника и очевидца-немца порядок был сохранен повсюду и нарушители его действительно подвергались строгим наказаниям. Дети боярские постоянно объезжали город, забирали пьяных, и жители не терпели насилий и грабежей, обычных в средневековой Европе при взятии неприятельских городов. Шуйский объявил, что дом его и уши будут отворены для каждого жителя, кто придет с жалобой на русских людей. Городской совет и община послали ему в подарок вина, пива и разных съестных припасов. Через несколько дней Шуйский в ответ угостил членов совета и лучших людей хорошим обедом в замке.

Не удивительно, что ворота ливонских городов неоднократно без боя отворялись для русских войск.

В этом постоянном учете местных интересов, в широкой пропаганде идейной стороны походов и неизменной опоре на демократические слои населения заключалась одна из причин необычайных военных успехов русского государства XIV—XVI вв. Мирное сожительство с нерусским населением, принятие иноземцев в русское дворянство, защита интересов беднейших слоев населения служили основой прочности земельных приобретений русского государства и на юге, и на юго-востоке, и на западе.

III. ГОРОДА-КРЕПОСТИ

Каждый город древней Руси окружался оборонительной оградой. Собственно «городом», то есть огороженным местом, и могло называться только такое селение, которое было окружено земляным валом, деревянной венчатою стеною или каменной оградой. Понятие о городе, как о жилом месте, и об укреплениях, его ограждавших, совершенно сливались между собою; город не мог быть без оборонительной ограды. С уничтожением ее он терял и самое название города.

Чаще всего городские стены в древней Руси были деревянными. Летописцы, упоминая о сооружениях деревянных оград, обычно употребляли выражение «срубить город». В сооружении этих деревянных боевых стен русские плотники, славившиеся своим мастерством, достигли необыкновенного искусства. Жан-Соваж Диеспский, бывший в России в 1586 г., говорит про оборонительную ограду Архангельска: «Она составляет замок, сооруженный из бревен, заостренных и перекрестных; постройка его из бревен превосходна; нет ни гвоздей, ни крючьев; но все так хорошо отделано, что нечего похулить, хотя у строителей русских все орудия состоят в одних топорах; но ни один архитектор не сделает лучше, как они делают».

Поразительна быстрота, с которой в древней Руси производились все строительные работы. В Новгороде и в Пскове постройка гражданских и церковных зданий заканчивалась в два-три летних месяца. Особенно быстро необходимо было производить оборонительные работы в военной обстановке.

При осаде Киева Батыем в 1240 г., когда основная стена была взята татарами, жители города за одну ночь поставили вторую крепост-

ную стену и продолжали оборону с ее помощью на следующий день.

В 1465 г. псковичи построили вокруг Полощица и Запсковья в одну неделю деревянную стену в пять верст протяжением. В 1478 г. при войне Новгорода с Иваном III новгородцы необычайно быстро привели ограду Новгорода в сильное оборонительное положение, которого требовала появившаяся в то время у москвичей мощная артиллерия, и устроили новую деревянную стену через Волхов на понтонах.

В 1591 г. при нападении крымцев москвичи быстро укрепили предместье за Москва-рекою деревянной стеною с башнями, названною Ско-родомом.

Иногда, когда надо было быстро поставить город на самой границе, его рубили вверх по реке у ее истоков, затем сплавляли бревна вниз и в несколько дней собирали «под носом» у неприятеля прежде, чем тот успевал что-либо предпринять.

В древней Руси существовало не только превосходное строительное искусство, отчетливо сказавшееся и в великолепной древнерусской архитектуре; не только существовали многочисленные кадры строителей, — все население приходило на помощь государству при постройке стен в тревожные дни иноземных нашествий.

Каменные крепостные стены стали возводиться еще в первые времена христианства на Руси. Особенно много каменных крепостей приходилось ставить на западных границах Руси, где враг был особенно силен осадным опытом. Славились своими каменными стенами Псков, Изборск, Смоленск, Порхов, Ладога, Москва и другие города.

В XV веке фортификационное искусство сделало большой шаг вперед в связи с изобретением пороха и огнестрельного оружия. Стены многих русских городов подверглись решительной реконструкции, а иногда и перестройке.

В конце XV века при Иване III были построены стены и башни московского Кремля на месте обветшалых укреплений Дмитрия Донского. Кремлевские стены соответствовали последнему слову европейского фортификационного искусства. Угловые башни построены круглыми, чтобы лучше противостоять разрушительной силе пушечных снарядов. Остальные башни расположены на таких расстояниях, что с них легко можно было обстреливать соседящее им прясло стены. Были устроены рвы, пруды для воды, тайники, двойные и тройные стены, подъемные мосты, предмостные укрепления. Вооружение состояло из многочисленной артиллерии, в которой имелись и громадные бомбарды, не уступавшие вылитой в 1488 г. «царь-пушке» (2400 пудов).

В XV веке московский Кремль был сильнейшей крепостью Европы, уступая лишь Миланскому замку, законченному в 1459 г. Крепостная архитектура Кремля отразилась во вновь построенных стенах нижегородского кремля, коломенского, серпуховского, тульского, зарайского и многих других.

Народный характер войн, которые пришлось вести древней Руси, наложил резкий отпечаток на русское крепостное строительство. С наибольшей отчетливостью русские национальные особенности крепостной архитектуры сказались в Пскове, где опасность внешнего вторжения была сильнее, чем где бы то ни было.

Псковская область тянулась узкой полосой с севера на юг, прикрывая каменным ожерельем своих крепостей-пригородов остальную Русь от

враждебного ей литовско-немецкого Запада. Сюда, на границы Руси, на ее защиту обильно прилиvalo русское население, как приливает в здоровом организме кровь к ране, чтобы быстрее залечить ее. В XVI веке Псков был самым обширным городом в России — обширнее Москвы и Новгорода. «Господи, что за большой город! — точно Париж», — писал автор дневника похода на Псков Стефана Батория — ксендз Пиотровский.

Знаменитые стены Пскова строились всем населением города, концами, улицами или просто «соседями». За все время их существования Псков ни разу не был взят врагами, хотя, находясь на самой границе, он постоянно подвергался нападениям извне. Этот общенародный характер строительства крепостных стен Пскова сильнейшим образом сказался в их архитектуре.

«В системе псковских каменных укрепленных городов интересно расположение башен вдоль стен, — пишет историк русской архитектуры К. Романов («Архитектура Ленинграда», 1939, № 1). — Башни всегда, как правило, делят стену на ряд прясел — отдельных участков. Каждая башня — вполне замкнутое сооружение с одним входом со стены и приспособлена к обороне даже тогда, когда весь городок занят и когда неприятель занял стену. Такова, например, система башен Изборска.

Совершенно иная система укреплений была у немецких рыцарей того времени. Ярким примером может служить замок Нейгаузен. Он был выстроен в 1342 г., то есть сразу после Изборска, как укрепленный пункт на дороге к Риге и против Изборска. В Нейгаузене вся задача укрепления сводилась к защите «донжон» — центрального пункта замка, где сидел его владелец; окружающие башни не имели внутренней стены, и защитники их — невпример Пскову — находились под постоянным контролем из «донжон», откуда в любой момент обнаружения измены могли быть перебиты. При занятии замкового двора неприятелем, башни лишались защиты и вся оборона сосредоточивалась на защите «донжон». Та же система применялась иноземцами и на юге, например, в генуэзской крепости в Судак (Крым). Владельцы замка или крепости были слишком не уверены в преданности им местного населения. «Благоденствия» немецких рыцарей, вводимые огнем и мечом, конечно, вызывали у них самих сомнения в отношении к ним населения. Таким образом, рядом, на расстоянии не более 20 километров друг от друга, мы видим две совершенно различные системы укрепления: русскую в Изборске и немецкую колонизаторскую в Нейгаузене.

Большой интерес представляет рост самого города Пскова и его укреплений. Раскопками установлено, что поселение в Псковском кремле, при слиянии рек Псковы и Великой, существовало еще ранее сведений, впервые сообщаемых о городе летописью. В XI столетии Псков уже выдержал осаду, следовательно, был укреплен. Во второй половине XIII столетия к территории Кремля был пристроен «Довмонтов город», который включил в себя посад и торг, ранее, как обычно, находившиеся под стенами города.

В 1309 г. была построена новая стена, увеличившая площадь города больше чем вдвое, и новый торг оказался за новой стеной. В 1375 г. была закончена еще одна стена, также прибавившая к городу значительную территорию с посадом. Наконец, в 1465 г., ожидая

нападения, псковичи в течение одной недели выстроили вокруг всех вновь образовавшихся слобод деревянные стены, перекинув их за реку Пскову и включив в укрепленный район города все Запсковье. В конце XV столетия (с 1482 г.) и в начале XVI столетия все эти стены так называемого «кокольного» (т. е. внешнего) города переделываются на каменные. До нашего времени сохранилось около 9½ километров стен.

Псковские укрепления каждый раз включали все новые, развивавшиеся под городом посады, и благодаря этому рос город...

Основой развития укреплений Пскова была забота о посадах, о защите того мелкого люда, который селился под стенами городов, то есть ремесленников, купцов и жителей соседних селений, тянувшихся к городу».

Многочисленность каменных крепостей и превосходная техника их сооружения имели большое значение в Смутное время, оборонив многие русские города и монастыри от захвата интервентами.

IV. ТАКТИКА СРАЖЕНИЙ

Еще в Киевской Руси, до монгольского нашествия, выстраивая войска перед битвой, князья делили их на пять полков. «Большой полк» или «чело», набравшийся обычно из наемников-варягов, ставился в центре и должен был выдерживать натиск противника; полк правой руки и полк левой руки, в которые входили местные княжеские дружины, ставились по краям и предназначались для решительного флангового удара по противнику. Кроме того, впереди ставились два полка — передовой и сторожевой, предназначавшиеся для наблюдения за противником и первой атаки на него. В основном этот боевой порядок сохранялся в последующие века, но при этом каждый раз изменялся в связи с местностью, тактикой и расположением противника.

Встречая на Чудском озере у Вороньего камня знаменитую немецкую «свинью» (рыцарское средневековое построение клином), Александр Невский учитывал силу ее фронтального удара и слабость ее флангов. Александр выстроил свои войска так, чтобы основные силы его войск находились на флангах, и с флангов раздавил наседавшую на русский центр рыцарскую колонну. Первый успех немецкой фронтальной атаки, рассчитанной на психологический, моральный эффект, был парализован ударами во фланги и в тыл. «Немцы же и чюдь пробишася свиньею сквозе полки, и бысть ту сеча зла и велика немьцемь и чюди, и труск (т. е. треск) от копей ломления и звук от мечного сечения... и не бе видети леду, покрыло бо есть все кровью... «И паде немец 500, а чюди бесчисленное множество, а руками няша (т. е. взяли) немец 50 мужь нарочитых воевод, и приведоша в Новгород, а иних вода потопа, а инии зле язвени (сильно изранены) отбегоша» — пишет летописец.

Иную тактику противника учитывал Дмитрий Донской, располагая свое войско перед битвой на Куликовском поле.

В противоположность немецкой — тактика татар обычно была рассчитана на широкий охват флангов противника. Опасность этого маневра для русского войска была особенно велика в Куликовской битве, при том численном превосходстве, которое имели татары: стопятидеся-

титысячному войску русских противостояла трехсоттысячная, отлично организованная армия татар.

Дмитрий Донской расположил русские войска на пятикилометровой боевой позиции у слияния рек Дона и Непрядвы. Оба крыла русских войск примыкали к речкам и прикрывались ими. Левое крыло примыкало к речке Смолке, а правое — к речке Дубику. Вдвое превосходящие численностью татары не могли использовать свою конницу для охвата флангов и удара в тыл русскому войску. Трехсоттысячное войско татар (небывало большое по средневековым масштабам) оказалось зажатым на боевой позиции около 3 километров в ширину между Смолкой и Большим Оврагом с речкой Дубиком. По словам летописи, татары не могли расступиться. Благодаря этому искусному маневру русских исход боя в большей мере зависел от личного мужества бойцов, чем от их численности. Это была тактика Леонида с горстью спартанцев, встретившего в узком Фермопильском ущелье огромное войско персов.

Передовой полк, в котором в одежде простого ратника сражался и сам Дмитрий Донской, первый атаковал противника. Боевое напряжение русских, однако, не привело к успеху. Татарская пехота, составленная из превосходно вооруженных западноевропейских войск (среди них генуэзцев), разбила небольшой полк русских. «Сермяжная рать» передового полка легла целиком.

Введя в действие новые, свежие войска, татары бросились на русский центр, смяли его. Русским удалось все же сомкнуть войска. Но татары направили свои усилия на их левый фланг, стремясь захватить переправы через Дон и окружить русских. Татарская конница перешла Смолку и бросилась на полк левой руки.

Часть русского войска на левом фланге оказалась перебитой, — убиты были военачальники. Другая часть начала отступать, подавленная численным превосходством татарской конницы. Татары начали обходить русский центр. Превосходящим силам татарского войска удалось выйти на более широкое пространство. Русские принуждены были разрядить строй своих войск и растянуть его почти на 7 километров. Численное превосходство татар угрожало решить исход битвы.

Русские ввели резервы — псковские, войска, прикрывшие оголившийся левый фланг большого полка. Однако, преследуя отступающий левый фланг русских войск, татары приблизились к цели — захвату переправ через Дон — и грозили полным окружением русских. В это время еще раз сказалась военная предусмотрительность Дмитрия Донского. Внезапное появление спрятанного в Зеленой Дубраве засадного полка под командованием лучших русских военачальников — князя Владимира Андреевича Серпуховского и Дмитрия Боброка — решило исход битвы.

Долго сдерживаемые своими командирами, равнявшиеся в бой русские засадные части ударили на татар в тот самый момент, когда они, преследуя левый фланг русских войск, миновали засадный полк и повернули к нему свой тыл. Тогда «возопи Волюнец гласом великим и рече: Князь Владимир, время прииде и час приспе! и паки рече: Дерзайте, братие и други!.. И выедоша из дубровы единомыслия друзи, аки соколы испущени, и ударишася на стада журавлина» («Поведание»).

Исход величайшей в истории русского народа битвы был решен. Татарская конница была разбита, а с нею вместе полегло и остальное татарское войско, дрогнувшее под одновременным натиском русского центра.

V. АКТИВНОСТЬ ОБОРОНЫ

На протяжении всех веков истории Руси русские войска всегда славились своим умением наносить быстрые и внезапные удары по противнику. Автор известных «Записок о московитских делах» — барон Сигизмунд Герберштейн — ставил это в вину русским, упрекая их за то, что быстрые нападения они предпочитают медленным, правильным, систематическим операциям. Самая оборона всегда носила в древней Руси активный характер и сочеталась с наступательными действиями. Во время осад русские широко применяли вылазки, постоянно тревожа осаждающих и достигая этим решительных успехов.

В 1581 г. Псков оборонялся против стотысячного войска Стефана Батория, выдержал 231 приступ и, несмотря на огромное численное превосходство противника, произвел 47 вылазок. Если бы не эти вылазки, судьба Пскова, возможно, была бы плачевна.

В Смутное время в 1608—1610 гг., выдерживая осаду войска Сапегы, защитники Троице-Сергиева монастыря добились значительных успехов удачными вылазками. Узнав от перебежчиков, что поляки ведут подкоп под юго-восточную угловую башню монастыря, осажденные русские войска не ограничились тем, что укрепили угрожаемое место новою внутреннею оградой и заложили контрмины. Они решили произвести вылазку в тот самый момент, когда осаждающие готовились заложить порох в подкопы.

Главною целью этой вылазки было, конечно, уничтожение подкопов, но осадные воеводы, имея в виду раздробление сил неприятеля, решили произвести одновременно нападение и на его батареи. Было назначено разделить участвующие в вылазке войска на три отряда: первый из них должен был залечь во рву восточной части ограды; другой — расположиться на огороде, лежавшем на юго-западной оконечности монастырских боевых стен; третий засесть у ворот. По удару осадного колокола войска устремились к назначенным местам. Первый отряд, достигнув подступного рва противника, выгнал его оттуда, сбил его под гору, отыскал входы в подкопы и успел поджечь поднесенный туда порох; но взрывом его были разрушены только подземные работы неприятеля, без повреждения монастырских стен, так как осаждавшие не успели еще произвести забивки.

Ничто не могло удержать порыва разгоряченных защитников, и они продолжали вылазку. Два раза отбитые при нападении с фронта на батареи, русские произвели третье нападение — с фланга и в тыл, обратили врага в бегство и, преследуя его от одной батареи к другой, заставили окончательно отступить в лагерь. Полное поражение осаждавших, сожжение батарей, захват 8 орудий, множество оружия и бочек с порохом — были трофеями этой вылазки, продолжавшейся с раннего утра и до позднего вечера. Противник лишился 1500 человек убитыми, 500 человек ранеными и немалою числа пленными. Вскоре интервенты принуждены были снять осаду.

Особенно решительный характер имели вылазки в 1641 г. при обороне Азова, когда горсточка донских казаков (5367 мужчин и 800 женщин, также принимавших участие в боях)¹ отчаянно сопротивлялась двухсотсорокатысячному войску солтана Ибрагима I.

Осажденные отразили 24 приступа и постоянно производили вылазки, стремясь захватить недостававшее им оружие. Турки, имевшие 674 пушки, принуждены были сковать цепями весь артиллерийский наряд, боясь, чтобы его не захватили на вылазках казаки.

Казаки не только производили вылазки, но и подвели 28 подкопов под турецкие таборы. На приступах казаки в страшном ожесточении резались с турками ножами, не имея возможности в тесноте схватки пустить в ход сабли, и положили на месте огромное количество врагов.

После одной из вылазок турки сели на корабли и сняли осаду.

Активность обороны считалась основным правилом при всех случаях осады русских городов. Часть осажденного войска выделялась заранее для вылазок против неприятеля.

VI. ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЙСК

Организация русских войск была очень различной в различные эпохи, подчиняясь военным потребностям государства. Первоначально, в X и в начале XI вв., дружина была тесно соединена с личностью князя-предводителя. Обычно она переходила с ним из княжества в княжество в зависимости от различных перипетий феодального наследования и феодальных неурядиц. Дружинники князя составляют самое близкое его окружение. С ними князь советуется, с ними охотится, с ними пирует, из них назначает посадников, воевод, тысяцких и т. д., на них, не жалея ничего, тратит князь и свои доходы. Княжеские дружины жили главным образом войной и для войны. В каждом походе дружина искала поживы; каждая победа обычно заканчивалась грабежом.

Русские дружинники охотно нанимались на службу в Византию, ценившую их за воинскую доблесть; охотно принимали участие в походах на малоазийское побережье Черного моря, на Северный Кавказ, в Болгарию, на самый Константинополь. В этих походах воспитывались инициатива, мужество, выносливость, ставшие отличительными чертами русского воина. В них вырабатывалось высокое чувство воинской чести и воинского долга, выражения которых и сейчас еще восхищают нас в Первоначальной летописи и свидетельствуют о своеобразной высокой военной культуре личности. «Не посрамим Земли Русской, но ляжем костью, — мертвым не стыдно; если же победим, то некуда будет убежать от стыда», — говорит Святослав своей дружине перед битвой, и дружина отвечает ему: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим».

Постепенно интересы населения все более подчиняют себе русские дружины. Систематический сбор полудня (налога) князем заменил

¹ Женщины участвовали в обороне Поника в 1541 г. против татар, Тулы — в 1552 г. против крымцев, Пскова — в 1581 г. против поляков, Троицкого монастыря — в 1608—1610 гг. против поляков.

его доходы от войн, и дружина князя начинает жить не за счет грабежа в походах, а жалованием, выдаваемым ей князем, в основном из того же полюдья. Падает значение наемных варяжских дружин, их сменяют полки, набравшиеся из русских жителей городов и сельских местностей. Войско становится более связанным с городом, с областью, чем с личностью князя. Личные дружины того или иного князя сменяются в последующие эпохи городскими дружинами — Киева, Чернигова и других русских городов.

В 1016 г. новгородцы потребовали от Ярослава Мудрого продолжения борьбы с изменником Святополком, явившимся на Русь с войсками польского короля Болеслава. Новгородцы порубили ладьи Ярослава, в которых он пытался бежать за море.

В 1068 г. отказ великого князя Святослава раздать оружие киевлянам для защиты от половец вызвал народное восстание.

Интересы русского населения все более и более отражаются на всей военной организации Киевского государства.

Нашествие татар и необходимость постоянной, крайне напряженной оборонительной войны на степных и западных границах Руси заставили истощенные русские княжества искать таких форм организации войска, которые позволили бы в любое время без крайних затрат собирать большое число ратников. Князья раздают в кормление поместья своим дружинникам, иноземцам, вступившим к ним на службу, разного рода пришлым и близким им людям, и те обязаны к ним являться по зову «конны, людны (т. е. с людьми) и оружны». Так московские князья значительно увеличили количество своих войск. По отзывам иностранцев Москва в нужных случаях могла собрать огромное войско.

По свидетельству псковской летописи численность московского войска, загородившего дорогу Ахмату в первое его пришествие, достигала 180 тысяч. Некоторые иноземные путешественники передают, что московский великий князь мог собрать до 800 тысяч ратников. Такого огромного войска не знали государства Западной Европы.

Постепенно из этих военных людей, получивших в кормление поместья, создался особый служилый класс людей, главной обязанностью которых была защита отечества. Делами, относящимися к этому войску, ведал в XVI веке Разрядный Приказ. Здесь хранились списки слу-

жилых людей; в эти списки вносились имена всех дворян и детей боярских, обязанных являться на сборы. По областям наместники вели счет служилым людям. Каждые два-три года производился общий пересмотр всех служилых людей, их лошадей и служителей.

В случае войны рассылались повестки к областным правителям и дворянам, чтобы все служилые люди к известному дню собирались такую-то границу, туда-то.

«Служилым людям редко дается покой», говорит Сигизмунд Герберштейн.

До известной поры такая организация войска хорошо оправдывала себя. Она позволяла без больших расходов собирать на границах огромные армии. Любопытно, что Византия, вынужденная так же, как и Русь, вести постоянную оборонительную войну на своих растянутых малоазийских границах, имела сходную организацию войска. Эту же систему восприняла Турция, обосновавшаяся на развалинах Византийской империи. Войско Турции было од- время сильнейшим в Европе.

Однако с введением огнестрельного оружия с возросшим значением пехоты и военной техники поместная система быстро обнаружила свои недостатки. Войско при сборах оказывалось недостаточно обученным, в нем было много необстрелянных людей, трудно было учесть размеры отдельных полков; оно было разнохарактерным, имело пестрое вооружение, было медлительно в походах, мало дисциплинировано.

Вот почему, начиная с XVI века, делаются попытки ввести постоянные войска, в первую очередь — обученную «огненному бою» пехоту. Появляются первые стрелецкие полки, направляются на московскую службу иноземные ратники.

Все очевидней становилась потребность в полном переходе к постоянной армии.

Решительная перестройка всей организации войска, предпринятая Петром, была крайне необходима. Сразу же сказались ее блестящие результаты.

Однако славная военная история петровских войн, многочисленные победы русских в XVIII веке объясняются не только личным организационным талантом Петра, но и тем еще, что русские имели полутысячелетний военный опыт и имели в древней Руси высокое военное искусство и всегда быстро приспособлялись к новым условиям войны.